

RU

Межтекстовый диалог как стратегия метациклизации: «античный код» в романах Ю. Буйды

Тулушева Е. С.

Аннотация. Цель настоящего исследования – выявить межтекстовые связи между двумя романами современного прозаика Юрия Буйды. Научную новизну работы обусловило введение нового материала исследования (текста романа «Сады Виверны»), не отраженного в отечественном литературоведении, а также обращение к смысловому коду Античности и Средневековья в творчестве Юрия Буйды. Впервые были выявлены сквозные мотивы двух текстов, связанные с осмыслением автором античного наследия и преломления его в культуре Возрождения и Средневековья. Полученные результаты показали, что между двумя романами отечественного писателя присутствуют межтекстовые скрепы, которые используются как для объединения в единое целое трех частей романа «Сады Виверны», так и за пределами художественного мира данного произведения, в автобиографическом романе «Вор, шпион и убийца». Это позволяет поставить вопрос о наличии в творчестве Юрия Буйды метациклов, включающих не только новеллы и рассказы, но и его крупные прозаические произведения. Инструментом создания таких метациклов становится присутствие автоцитат и переосмысление в разных произведениях одних и тех же крылатых выражений и культурных концептов, которые персонажи романов обсуждают, эксплицитно называют чрезвычайно важными и концептообразующими в рамках их мировоззрения.

EN

Intertextual dialogue as a strategy of metacyclization: the "Antique Code" in the novels of Yu. Buyda

E. S. Tulusheva

Abstract. The purpose of this study is to identify intertextual connections between two novels by the contemporary prose writer Yuri Buyda. The scientific novelty of the work is due to the introduction of new research material (the text of the novel "The Gardens of the Wyvern"), which has not been reflected in Russian literary criticism, as well as the appeal to the semantic code of Antiquity and the Middle Ages in the work of Yuri Buyda. For the first time, through motifs of two texts were identified, related to the author's understanding of the ancient heritage and its refraction in the culture of the Renaissance and the Middle Ages. The results obtained showed that there are intertextual links between the two novels of the Russian writer, which are used both to unite the three parts of the novel "The Gardens of the Wyvern" into a single whole, and beyond the artistic world of this work, in the autobiographical novel "Thief, Spy, and Assassin." This makes it possible to raise the question of the presence of metacycles in the work of Yuri Buyda, including not only novellas and short stories, but also his major prose works. The tool for creating such metacycles is the presence of self-citations and the reinterpretation in different works of the same winged expressions and cultural concepts, which the characters in the novels discuss, explicitly call extremely important and concept-forming within their worldview.

Введение

Актуальность исследования сквозных мотивов творчества Юрия Буйды обусловлена большим интересом к творчеству писателя в отечественном литературоведении. Его уникальный нарратив, оригинальные композиционные приемы и практика построения метацикла привлекают внимание ряда исследователей. Так, цикл новелл «Прусская невеста» рассматривается Т. Г. Прохоровой (2024) в контексте диалога культур, Т. Ченис (2021) выделяет в качестве единого принципа организации прозы необарочные приемы, к технике циклизации обращаются также М. П. Абашева и М. В. Куриленко (2020), М. В. Безрукавая (2015а) освещает творчество

прозаика в контексте его эстетических установок. При этом вопросы циклизации рассматриваются применительно к новеллистике автора, но не к крупным формам, что обуславливает необходимость исследования сквозных мотивов в романах Ю. Буйды.

Для достижения поставленной цели следует решить ряд задач:

- выявить сквозные мотивы двух текстов, играющие ключевую роль в философском понимании происходящих событий;
- рассмотреть функцию этих мотивов в тексте и указать на создаваемую ими общность художественной метавселенной творчества Юрия Буйды.

В качестве материала исследования привлекаются романы Ю. Буйды «Вор, шпион и убийца» и «Сады Виверны». Оба романа претендовали на получение премии «Большая книга», первый роман в итоге был ее удостоен, а «Сады Виверны» вошли в шорт-лист.

Теоретическую базу исследования составляют работы, посвященные творчеству Юрия Буйды, в частности роману «Вор, шпион и убийца», который автор определяет как автобиографическую фантазию. Роман исследуют Т. Г. Прохорова (2015), О. А. Колмакова (2017), отчасти его содержание затрагивают В. А. Гавриков и А. Г. Сильчева (2023), позиционирующие творчество Ю. Буйды как образец отечественного мистического реализма. Также полезными в отношении цели настоящего исследования оказались работы Т. Г. Прохоровой и И. М. Загфаровой (2016), М.В. Безрукавой (2015-2), посвященные творчеству Юрия Буйды, и труды М. Н. Дарвина (2005) и И. В. Фоменко (1992), являющиеся основными источниками по формулированию особенностей цикла в отечественной литературе.

Новейший роман «Сады Виверны» не отрефлексирован в отечественном литературоведении, также не рассматривались его связи с текстом романа «Вор, шпион и убийца».

Ключевыми методами статьи стали: метод сплошной выборки, благодаря которому в двух романах были выявлены общие элементы – цитирование и обсуждение героями одних и тех же крылатых выражений, являющихся важнейшими концептами неоплатонизма; культурно-исторический метод анализа обнаруженных цитат, позволяющий определить оттенки их значения и происхождения, что дает возможность указать на их циклообразующую и семантическую функции в текстах обоих произведений.

Теоретическая значимость исследования определяется выявлением сквозных мотивов в романах Юрия Буйды и описанием их функций в текстах прозаика.

Практическая значимость обусловлена возможностью использования полученных выводов в ходе изучения современной отечественной литературы в вузах, при исследовании циклизации и построения единой художественной вселенной в произведениях современных русских писателей, в ходе спецкурсов и спецсеминаров, посвященных особенностям современной русской литературы.

Обсуждение и результаты

Творчество Юрия Буйды представляет собой ряд сборников рассказов и новелл и несколько романов, наиболее удачными из которых в оценке критиков являются романы «Вор, шпион и убийца» (2013) и «Сады Виверны» (2021). Это подтверждается присуждением первому из романов премии «Большая книга» и помещением второго в шорт-лист премии. Формально действие произведений происходит в разных художественных вселенных: первый роман посвящен изложению биографии автора от детства в Калининграде до момента переезда в Москву 18 августа 1991 года – перед началом августовского путча 1991 года. Роман «Сады Виверны» не позиционируется как автобиографический, состоит из трех повестей – «Парабасис», «Лемаргия» и «Урщух», не объединенных сквозными героями. Действие первой части происходит в Италии XVII века, второй – во Франции в годы Французской революции, третьей – в России конца XIX – начала XX века. Общим элементом предметного мира повестей является непристойная книга на итальянском языке, которую читают и передают друг другу герои всех трех частей, портрет девушки в красном платье с синей шнуровкой, принадлежащий кисти неизвестного художника Возрождения, последовательно оказывающийся в руках героев трех частей, перстень с изображением виверны – мистической ящерицы с длинным хвостом.

Также к числу сквозных мотивов трех частей «Садов Виверны» принадлежит образ “*copula mundi*” («мировой связи»). Слово “*copula*”, в соответствии со словарем И. Х. Дворецкого, означает «веревку, застежку, связь, ремешок» (1996, с. 201).

Выражение “*copula mundi*” в тексте «Садов Виверны» переводится как «скрепа мироздания» и впервые упоминается при описании действующих лиц первой части, среди которых присутствует реальное историческое лицо – гуманист эпохи Возрождения Марсилио Фичино. При его изображении сказано: «коротышка и заика, домашний врач Козимо Медичи и наставник Лоренцо Медичи, создатель платоновской версии христианского учения о душе: ... Ее справедливо можно назвать центром природы, посредницей всех вещей, лицом всего, узлом и скрепой мироздания (*copula mundi*)» (Буйда, 2021, с. 10). В трактате Фичино “*Platonica theologia de immortalitate animorum*” / «Теология Платона о бессмертии душ» (здесь и далее перевод выполнен автором статьи. – Е. Т.) действительно говорится: “*Et quia ipsa vera est universorum connexio, dum in alia migrat, non deserit alia, sed migrat in singula ac semper cuncta conservat, ut merito dici possit centrum naturae, universorum medium, mundi series, vultus omnium nodusque et copula mundi*” (Ficino, 1482, p. 230). / И поскольку она есть истинная связь вселенных, то, переходя в другие, она не покидает других, но входит в каждую и всегда сохраняет все,

так что ее по праву можно назвать центром природы, серединой вселенных, серией мира, лицом всех вещей, узлом и связью мира. В онтологии Фичино “*corula mundi*” – понятие, связанное также с алхимией и позволяющее добиваться одной из главных целей алхимии – превращения любого материала в золото, так как все вещества мира связаны между собой. Визуальной репрезентацией “*corula mundi*” является «Витрувианский человек» Леонардо да Винчи – четырехрукий и четырехногий человек, вписанный в окружность и в квадрат, символизирующие соответственно небо и землю.

Далее в богословских дискуссиях персонажей романа «Сады Виверны» под “*corula mundi*” понимается человек, и мысль об этом приписывается другому реально существовавшему лицу – Пико делла Мирандола: «Когда-то Пико делла Мирандола горделиво заявил, что он поставил человека в центр мира, назвав его *corula mundi* – связующим звеном» (Буйда, 2021, с. 47).

В первой части романа «Сады Виверны» под “*corula mundi*” подразумевается человеческая душа, обладающая, в соответствии с переосмыслением идей Платона Марсилио Фичино, преемственностью, и человек как таковой – не конкретный человек, а абстрактный, воплощенный в картине Леонардо да Винчи, «человек вообще».

Во второй части, «Лемаргия», выражение “*corula mundi*” сужается и конкретизируется: оно применяется к роду – маркиз де Бриссак и его супруга рассказывают главному герою о своем бессмертии и предлагают ему присоединиться к ним: «С нами вы станете неотъемлемой частью древнего рода, который от начала начал воплощает связь времен и поколений – *corula mundi*, мы – темные боги, в жилах которых течет золотой ихор, а не мерзкая кровь, мы можем все – все! – попробовать, не думая о химерах вроде греха, совести, стыда, страха, потому что мы бессмертны, и бессмертны наши прекрасные женщины...» (Буйда, 2021, с. 233). Понятие “*corula mundi*” существенно сужается: от человека в принципе оно переходит на конкретный род, причем деятельность этого рода охарактеризована в романе отрицательно: маркиз де Бриссак и его супруга для своих нужд умерщвляют других людей, парализуют их волю, забирают их тела и т. д. Это уже не «мировая связь» в философском смысле, а восприятие себя как «мирового центра», эгоцентризм.

В третьей части «Садов Виверны», «Урщух», “*corula mundi*” назван один из героев: «Ее сын **Виктор** по прозвищу Вивенький, донжуан и *Corula Mundi*» (Буйда, 2021, с. 242). Понятие “*corula mundi*” теперь уже сужается до конкретного человека, причем человека, который является отрицательным персонажем. Так, по тексту третьей части Виктор готовит покушение на брата царя, Великого князя Павла, причем целью этого покушения является не сам Великий князь, а его племянница, которая забеременела от Виктора, что он хотел бы скрыть. Размышляя об этих событиях после убийства Великого князя и всей его семьи, Виктор называет себя “*corula mundi*”: «Вивенький много раз пытался рассказать эту историю, но от раза к разу, от попытки к попытке все глубже сознавал, что именно тогда он совершил нечто совершенно невозможное, небывалое, внеразумное, достиг небесного пика или адского дна, недоступных для простых смертных, стал *corula mundi* – звеном, связующим мир в его вершинных и в его низменных проявлениях, обрел подлинное величие за гранью добра и зла, и это чувство собственной божественности или инферральности, озарявшее всю его жизнь и придававшее ей священную значимость, следовало хранить нераспесканным, в тайне до той минуты, когда его черная кровь превратится в золотой ихор и он займет место ошую Господа или одесную Сатаны» (Буйда, 2021, с. 320). Иными словами, понятие, введенное Марсилио Фичино, все больше и больше сужается – от бессмертной души до конкретной семьи, впоследствии до конкретного человека, причем если в первой части “*corula mundi*” – это позитивное понятие, то во второй и в третьей оно приобретает отрицательно окрашенный смысл и, наконец, в финале романа “*corula mundi*” называется тот самый портрет женщины в красном платье с синей шнуровкой, от которого в итоге остался небольшой фрагмент: «Но откуда у вас этот клочок холста? – *Corula mundi* – так мы его называем, – ответил Преториус. – Это долгая история, Морис...» (Буйда, 2021, с. 375).

Таким образом, на протяжении текста «Садов Виверны» латинское выражение “*corula mundi*”, исторически принадлежащее Марсилио Фичино, меняет свое значение от обозначения бессмертной души до человека как такового, затем – рода бессмертных, которые омолаживаются благодаря использованию чужих тел, и, наконец, в третьей части – «мировым связующим звеном» предстают человек, организовавший покушение с большим количеством жертв, и артефакт, связывающий между собой героев всех трех частей. Смысл понятия меняется в соответствии с концепцией эманаций неоплатонизма – от наиболее живого (бессмертная душа) до неодушевленного объекта (фрагмент картины). Это согласуется с пониманием эманации, например, в философии Плотина, который понимает под ней «неделимую силу», которую «невозможно ничем охватить, ей ничто не противостоит, поэтому она беспредельна. Она простирается вплоть до самых последних и наиболее слабых сущих – до порождений телесной природы и бесформенной материи» (Цит. по: Волкова, 2016, с. 282). Марсилио Фичино был переводчиком как Платона, так и Плотина, и концепция эманаций была ему близка.

Выражение “*corula mundi*” присутствует также в романе «Вор, шпион и убийца», созданном за 8 лет до «Садов Виверны». В нем автор использует это выражение, говоря о Пико делла Мирандола: «Пико делла Мирандола, провозгласивший человеческую личность *corula mundi* – связующим мир звеном» (Буйда, 2025, с. 176). В тексте романа оно отнюдь не несет такой философской нагрузки, как в «Садах Виверны», автор упоминает его в числе знаний, полученных им в Калининградском университете, причем называет в качестве его автора не Фичино (как в «Садах Виверны»), а Пико делла Мирандола, который употребляет соответствующее выражение в речи “*De hominis dignitate*” («О человеческом достоинстве»), перечисляя “*corula mundi*” в определении человека: “*et (quod Persae dicunt) mundi copulam*” (Пико делла Мирандола). / как говорят персы – мировая связь). Речь датируется 1486 годом, в то время как трактат Фичино о теологии Платона – 1482 годом, так что формально Фичино употребляет это выражение раньше, чем Мирандола. Они оба принадлежали к кружку флорентийских неоплатоников и посещали возрожденную Фичино Платоновскую академию, так что выражение “*corula*

mundi” могло зародиться в ходе диалогов в этой академии. Мирандола отсылает его к персидскому узусу, имея в виду, возможно, некий фразеологизм фарси.

В контексте задач настоящего исследования важно, что одно и то же выражение, восходящее к конкретному кругу теоретиков эпохи Возрождения, используется Юрием Буйдой в двух текстах, не связанных между собой и не принадлежащих к одной и той же художественной вселенной. Это могло бы позиционироваться как простое совпадение, связанное с любовью автора к указанному выражению.

Однако в «Воре, шпионе и убийце» и «Садах Виверны» присутствует еще одно общее выражение, которое отсылает к святой Хильдегарде Бингенской. В автобиографическом романе Юрий Буйда вспоминает, как впервые увидел город с высоты башни и был потрясен этим зрелищем до глубины души. Увиденный им целостный город, который до подъема на башню он воспринимал лишь фрагментарно, как коллаж отдельных районов, наводит его на мысль о стремлении человека к некоей целостности: «Настоятельница Рупертсбергского монастыря Хильдегарда Бингенская, великая пророчица и святая, жившая в XII веке, утверждала, что человек, изгнанный из рая, портится, лишается речи, то есть смысла жизни, и его болезнь – не событие и не процесс, а состояние дезинтеграции, а его воля – это воля к небытию. Образ жизни такого человека и все его проблемы, физические и духовные, святая Хильдегарда связывала с *modus deficiens* – состоянием недостаточности, с дефицитом божественности» (Буйда, 2025, с. 28).

Тот же самый богословский концепт обсуждают и герои романа «Сады Виверны», говоря о приюте для уродливых женщин, причем используют практически те же самые слова, что и герой-рассказчик «Вора, шпиона и убийцы»: «Святая Хильдегарда Бингенская, – сказал он, – полагает, что человек, изгнанный из рая, неизбежно портится, лишается смысла жизни, и его болезнь не событие и не процесс, но состояние дезинтеграции, а его воля к небытию сильнее стремления к божественному жителю. Образ жизни такого человека и его содержание святая Хильдегарда связывает с *modus deficiens* – состоянием недостаточности, с дефицитом божественности, с выхолащиванием человеческого, и этот дефицит, как мы видим повсюду, только усугубляется, принимая все более изощренные формы» (Буйда, 2021, с. 57).

Представление о человеке как о неполноценной части более крупного целого восходит также к идеям Платона: в диалоге «Пир» (2020) Платон говорит об андрогинах, единства мужского и женского начала, которые были разделены Зевсом и тоскуют по своей второй половине всю последующую жизнь. В «Воре, шпионе и убийце» сразу после описания *modus deficiens* присутствует отсылка к Платону: «Платон признавал самым удобным то число, которое обладает наибольшим количеством последовательных числителей, а число 5040 имеет 59 делителей, последовательных же – от единицы до десяти. Именно столько – 5040 – должно быть жителей в идеальном городе Платона» (Буйда, 2025, с. 28).

Хильдегарда Бингенская – реальное историческое лицо, провидица XI века: «Несомненно, Хильдегарду воспринимали как посредницу, пророчицу, которая передаёт и объясняет Божьи тайны. Свою публичную деятельность она начала в возрасте шестидесяти лет, что в те времена было возрастом весьма преклонным, была монахиней с безупречной репутацией, соединённой особенной связью со Святым Духом, что официально подтвердили папа и величайший теологический авторитет того времени Бернанд Клервоский» (Щап, 2019, с. 102). Сформулированные ею концепты воспринимались как элементы откровения, полученные в состоянии мистического транса.

Таким образом, в обоих текстах Юрия Буйды мы можем проследить обращение к двум латинским выражениям, которые воплощают две стадии развития теологии. В XI веке речь шла о восприятии человека через призму грехопадения и о его недостаточности, не-цельности, в XV – об антропоцентризме и восприятии души человека и самого человека как меры всех вещей. Герои романа «Сады Виверны» как бы понижают понятие “*corula mundi*”, низводя его от понимания души к человеку в физическом смысле, далее к грешнику и затем уже к части картины, от которой в финале романа остался небольшой фрагмент: «клочок старинной картины с фрагментом лица и глазом рыжеволосой женщины» (Буйда, 2021, с. 375). В начале романа, в части «Парабасис», портрет описывается следующим образом: «Это был портрет большоголовой узкоплечей девушки в платье того красного цвета, который принято называть терракотовым, с синей шнуровкой на груди. Края ее рубашки были стянуты крошечной жемчужиной. Прямой пробор разделял гладко расчесанные каштановые волосы, два вьющихся локона спускались по обеим сторонам лба. Ее широкоскулое лицо с узкими глазами было бледно, как у больной, но при этом словно источало ровный неяркий свет» (Буйда, 2021, с. 68).

Автор указывает на связь между этими двумя понятиями через художественный образ: от цельного портрета в ходе различных исторических событий остался только клочок – портрет утратил целостность, стал иллюстрацией *modus deficiens*, состояния недостаточности.

В романах Юрия Буйды присутствует, как видно из приведенного анализа, смысловая связь двух богословских понятий, упоминаемых в текстах на латинском языке. Оба понятия соотносятся с истолкованием идей Платона в период Средневековья и Возрождения и образуют дихотомию: ответом на “*modus deficiens*” является “*corula mundi*”, что мы и замечаем в богословии – на смену представлению о безусловной греховности человека после его изгнания из рая пришло представление о человеке как мере всех вещей и мировом связующем звене.

В подтексте двух романов Юрия Буйды можно обнаружить отсылки к идеям Платона и их эволюции в средневековом неоплатонизме и в теологии эпохи Возрождения. Пунктирно намеченная в «Воре, шпионе и убийце» дихотомия становится основным смысловым узлом «Садов Виверны», где, помимо двух рассмотренных слово-сочетаний, присутствует еще большее количество латинских крылатых выражений и цитат, в особенности в первой части, где действие происходит в Италии, а ряд действующих лиц является католическими священниками. В «Воре, шпионе и убийце» есть только три латинских выражения – помимо “*modus deficiens*” и “*corula*

mundi” автор употребляет выражение “*rigor mortis*” («трупное окоченение»): рассказчик слышит эти слова в больнице, когда один из пациентов умирает.

Наличие общего подтекста позволяет говорить о метациклических скрепах между двумя произведениями и о возможной единой оптике прочтения их сюжета: в первом романе от не-целостности герой приходит к целостности, во втором, наоборот, целостность разрушается: от картины остается только клочок, а связующим звеном мира становится Виктор Вивиани, к которому вполне подходит определение «вор, шпион и убийца».

Заключение

Творчество Юрия Буйды содержит ряд циклов, в которые принято включать новеллы и рассказы, объединенные общими героями, топонимами и элементами сюжета. Исследование его новейших текстов указывает на более глубокий уровень скрепления текстов: на смену общим героям приходит общность фоновых знаний, ключевых понятий, в свою очередь восходящих к трудам гуманистов Возрождения, средневековых мистиков и диалогам Платона.

Сопоставление произведений автора позволяет выявить два важнейших сквозных мотива: использование в речи персонажей и детальное обсуждение понятий “*copula mundi*” и “*modus deficiens*”, которые в обоих текстах обозначены на латинском языке, возведены к трудам теологов и философов периода Средневековья и Возрождения и подвержены напряженному осмыслению. При этом в тексте «Вора, шпиона и убийцы» два указанных выражения звучат в речи рассказчика – автобиографического персонажа, в тексте «Садов Виверны» их употребляют различные герои, которые в итоге подвергают выражение “*copula mundi*” сужению значения и снижению: от осмысления бессмертной души человека и сущности человеческой личности до пренебрежительного наименования неразборчивого в связях мужчины и фрагмента холста картины.

К выводам исследования следует отнести выявление сцепления двух мотивов, обозначенных автором при помощи латинских словосочетаний, намеченное в более раннем романе «Вор, шпион и убийца» (2013) и раскрытое в романе 2021 года «Сады Виверны». Не будет преувеличением сказать, что весь роман «Сады Виверны», состоящий из трех независимых частей, – это развитие свернутого сюжета, намеченного на периферии «автобиографической фантазии» «Вор, шпион и убийца»: смысловой связи между важным для теологии Средневековья понятием «недостаточности» и сформулированным в эпоху Возрождения концептом «мировой связи, мировой целостности», являющимся диалектическим становлением идеи «недостаточности». Для автора это становится инструментом объединения двух различных текстов в метацикл, надтекстовое целое, которое позволяет рассматривать их как части некоего крупнейшего единства.

К перспективам исследования следует отнести расширение границ метацикла в творчестве Юрия Буйды, исследование большего круга текстов в отношении отсылки к общим философским и теологическим источникам, а также в целом в части обращения к «латинскому коду», «античному коду» в его преломлении в более поздней культурной парадигме.

Материалы исследования | Research materials

1. Буйда Ю. Вор, шпион и убийца. М.: Издательство АСТ, 2025;
2. Буйда Ю. Сады Виверны. М.: Издательство АСТ, 2021.
3. Дворецкий И. Х. Латинско-русский словарь. М.: Русский язык, 1996.
4. Пико делла Мирандола, *Oratio de hominis dignitate*. <https://www.thelatinlibrary.com/mirandola/oratio.shtml>
5. Платон. Пир // Платон. Диалоги / пер. с древнегреч. В. С. Соловьева. М.: РИПОЛ классик, 2020.
6. Ficino M. *Platonica theologia de immortalitate animorum*. Firenze, 1482.

Источники | References

1. Абашева М. П., Куриленко М. В. Поэтика циклизации в прозе Юрия Буйды // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2020. Т. 12. № 2.
2. Безрукавая М. В. Проза Ю. Буйды: герой в пространстве эстетического понимания жизни // Историческая и социально-образовательная мысль. 2015а. Т. 7. № 6-2.
3. Безрукавая М. В. Творчество Ю. Буйды как литературный проект // Язык и культура (Новосибирск). 2015b. № 16.
4. Волкова Н. Плотин о бесконечной силе Единого в контексте эманации // Философская антропология. 2016. Т. 2. № 2.
5. Гавриков В. А., Сильчева А. Г. Мистический реализм в современной русской прозе: ключевые имена // Казанская наука. 2023. № 11.
6. Дарвин М. Н. Художественная циклизация лирики // Теория литературы: в 4 т. М.: ИМЛИ РАН, 2005. Т. 3. Роды и жанры (основные проблемы в историческом освещении).
7. Колмакова О. А. Христианский дискурс в романе Ю. Буйды «Вор, шпион и убийца» // Вестник Кемеровского государственного университета. 2017. № 1 (69).

8. Прохорова Т. Г. Книга новелл Юрия Буйды «Прусская невеста»: к вопросу о диалоге славянских и романо-германских литератур // Вестник Марийского государственного университета. 2024. Т. 18. № 4 (56).
9. Прохорова Т. Г. Роман Юрия Буйды «Вор, шпион и убийца»: между автобиографией и вымыслом // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2015. Т. 15. № 2.
10. Прохорова Т. Г., Загфарова И. М. Формы инобытия в новеллистике Юрия Буйды // Филология и культура. 2016. № 1 (43).
11. Фоменко И. В. Лирический цикл: становление жанра, поэтика. Тверь: ТГУ, 1992.
12. Ченис Т. Необарочные элементы поэтики Юрия Буйды // Практики и интерпретации: журнал филологических, образовательных и культурных исследований. 2021. Т. 6. № 4.
13. Щап А. Мистицизм Хильдегарды Бингенской // Verbum. 2019. № 21.

Информация об авторах | Author information

Тулушева Елена Сергеевна¹, к. филол. н.

¹ Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Москва

Elena Sergeevna Tulusheva¹, PhD

¹ National Research University Higher School of Economics, Moscow

¹ be-so-happy@yandex.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 31.05.2025; опубликовано online (published online): 21.07.2025.

Ключевые слова (keywords): Юрий Буйда; межтекстовые связи; инструменты создания метациклов; смысловой код Античности и Средневековья; Yuri Buyda; intertextual connections; tools for creating metacycles; semantic code of Antiquity and the Middle Ages.